

Драко

Пепел прежних обличий

РЕКУТ, ЖИЛ–БЫЛ НЕКОГДА НА БЕЛОМ СВЕТЕ ОДИН НЕРОЖДЁННЫЙ ЧЕЛОВЕК.
БЫЛ ОН СТОЛЬ ВЫСОК, ЧТО НИКТО НЕ ВИДЕЛ, ГДЕ ОН НАЧИНАЕТСЯ, А ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ.
БЫЛ ОН СТОЛЬ СИЛЁН, ЧТО НИКТО НЕ МОГ ПОСТИЧЬ ПРИРОДУ ЕГО СИЛЫ
И СРАВНИТЬ ЕЁ С ИНОЙ-КАКОЙ СИЛОЙ.
ГОЛОС ЕГО БЫЛ СТОЛЬ ГРОМОК, ЧТО НИКТО НЕ СЛЫШАЛ ЕГО,
А ПОСТУПЬ СТОЛЬ ТЯЖЕЛА, ЧТО НИКТО НЕ ВИДЕЛ ЕГО СЛЕДОВ...
ОДНАЖДЫ ОН СПРОСИЛ: «ЕСТЬ ЛИ ГДЕ ЕЩЁ ЛЮДИ, ПОДОБНЫЕ МНЕ?»
НО – УВЫ!.. – НИКТО НЕ ОТВЕТИЛ.

(ДРЕВНЕСЛАВЯНСКАЯ ПРИТЧА)

Сквозь стыльную мглу доносился вой ветра, метавшего снежные копыя в его израненное тело. Ветер. Снег. Почему так холодно? Где Солнце, где свет?..

Тысячи ледяных игл уже покалывали спину, предвещая конец. Сознание меркло, бороться с ветром не было ни малейшей возможности. Отдавшись на волю судьбе, Аргас прекратил напрягать остатки сил и, с тихим вздохом, провалился в...

«Не сдавайся»

Голос согрел надеждой, заставил открыть глаза. В самом сердце безжалостного снеговорота мерцал огонек. Аргас напрягся, попробовал встать, но пурга со смехом швырнула его наземь, выбила стон из груди.

«Ты сможешь» – ласково позвал голос.

Аргас закричал, тоскливо, отчаянно. Страх потерять мерцавший вдали огонек внезапно сделался невыносим, подавил прочие чувства. Не ощущая боли и холода, он встал, с хрустом расправил крылья, ломая сковавшую их корку льда.

«Лети на свет» – приказал хрустальный голосок. И Аргас бросил себя навстречу метели.

В разуме все смешалось; он видел бьющие в небо молнии, воздвигнутые из льда замки. Бешенство пурги нарастало, она уже не просто секла его ветром, нет – каждый удар раздирал плоть, отбрасывал назад. Мгла цеплялась за жертву мириадами жвал, а к свету, к спасению звал лишь крохотный огонек...

Потом была тишина. Полный, абсолютный мрак и покой. Каждой своей клеточкой Аргас ощущал, как жизнь медленно, неохотно возвращается – и понял, что вырвался.

«Ты молодец» – огонек чиркнул во тьме и превратился в ажурное, сотканное из света существо, столь изумительно прекрасное, что Аргас захлебнулся безмолвным восторгом.

«Цени эту жизнь» – тихо сказала существо. – «Теперь ты знаешь, как трудно она дается»

В последний раз мелькнула светлая улыбка – и все исчезло. По телу пробежала волна мучительной дрожи. Аргас хотел приподнять веки, но боль едва не лишила его сознания. Он напрягся, пытаясь пробиться к памяти сквозь жалящую тьму хаоса.

Его имя? Автономный разведывательный гексамодалльный адаптирующийся

синтет, А.Р.Г.А.С. Он помнил свое задание и помнил, что выполнил его отлично, без единой накладки. Возвращаясь к орбитальному шаттлу, Аргас летел на юг, и это было последнее, что он помнил.

Нет. Не последнее. Отдельно от других воспоминаний, словно чужая, хранилась твердая уверенность, что он пытался вырваться из странной обжигающе– холодной метели, и это было невозможно. До того невозможно, что сам факт спасения едва не...

– Чара, он проснулся! – глубокий, мощный голос вызвал легкий приступ паники. Тело регенерировало медленно: Аргас сознавал, что до окончания восстановления организма является совершенно беспомощным, и мысль ему не нравилась.

– Где я? – прошептал он. Мутная пелена висела перед глазами подобно зловещей метели, и это Аргасу нравилось еще меньше. Если поврежден главный процессор, регенерация не спасет... По крайней мере, слух, кажется, функционировал нормально: слева донесся торопливый перестук коготков.

– Дай гляну! – попросил мягкий, приятный голосок.

– Ты была права, он говорящий.

– Класс! А на каком языке говорящий?

– Э– э– э... На нашем, вроде...

– Да брось! Не шутишь? – обладатель тонкого голоса приблизился. – У– у– у, какой пушистый! Ты правда нас понимаешь, а? Скажи что– нить!

Аргас заставил себя разжать губы:

– Кто вы? – выдавил с трудом.

– Мы друзья! И твои спасители, – гордо добавил тонкий голосок. – Расслабься, ты теперь в безопасности.

Чудовищным усилием воли Аргасу удалось справиться с головокружением. Это заставило его задуматься. Судя по мощности задействованной регенерации, тело очень сильно пострадало, возможно было раздавлено или разорвано на части. Если бы ранение произошло до исполнения задания, Аргас бы не удивился; но задание он выполнил. В подобных случаях, как правило, регенерация не запускалась, и А.Р.Г.А.С.– ов просто списывали.

Факт его существования был по– прежнему необъясним. Возможно, в

потерянном участке памяти хранилось дополнительное задание, исполнить которое он не успел? В таком случае, требовался стационарный ремонт. Успокоившись на этой мысли, Аргас перевел дыхание, открыл глаза и постарался сфокусировать зрение на окружающем.

Он увидел довольно просторное жилище со стенами из грубых, неотесанных бревен, морозные узоры на слюдяном окне, груды хвороста в углу, большую белокаменную печь. Двускатная кровля была сложена из тяжелых брусьев, накрытых поверху дранкой, потолок отсутствовал, печная труба проходила прямо сквозь дыру в одном из скатов. Но всё это лишь на миг привлекло его внимание; ибо рядом, угрожающе открыв жуткие пасти, стояли два гигантских хищных зверя.

Шерсть на загривке синтета встала дыбом. Ещё не успев ничего понять, он отбросил лосиную шкуру, которой был укрыт, и рванулся назад, выпустив когти, напрягая каждую стонавшую от боли мышцу. Лишь сильно ударившись в стену, Аргас опомнился и вновь обрел способность рассуждать.

Чудовища следили за ним молча. Оба отличались огромными размерами; телосложением напоминали крупных кошачьих, но обладали рогатыми головами на длинных мускулистых шеях да вытянутыми ящерными хвостами. В их ярких глазах мерцало любопытство, блестящая гладкая шкура выглядела прочной, но не грубой; чешуи и шерсти звери были лишены начисто, из-за чего сильно походили на морских млекопитающих.

Более крупный, самец, щеголял светло-лиловым окрасом на шее, груди и ниже, фиолетовыми боками и спиной, обладал прихотливо изогнутыми рогами цвета розового золота, грозной клыкастой пастью и глазами оттенка морской волны. Его спутница, втрое меньшего роста, была одноцветной, жемчужно-белой, с рогами полированной бронзы и смеющимися, ярко-фиолетовыми блестящими глазками. За спинами обоих покачивались могучие кожистые крылья, на лапах блестели когти, длинные хвосты не имели окончных шипов. Аргас машинально отметил, что размеры и масса чудовищ однозначно делают для них невозможным мускульный полет в местном гравитационном поле.

– Очухался? – весело спросил, тем временем, меньший зверь.

«Разумные!» – опомнившись от первого шока, Аргас прижал уши к голове и

напрягся, готовясь к битве или бегству:

– Где я? Как я сюда попал? Кто вы?

Жемчужная шагнула вперед, но судорожное движение раненого заставило ее остановиться:

– Не подходи! – Аргас удивленно отметил собственный крик. Казалось, на присутствие зверей реагирует какая-то часть его мозга, недоступная проверке обычными утилитами.

Крылатые переглянулись.

– Мы не причиним вреда, – фиолетовый по-кошачьи уселся на пол и уютно обернул себя крыльями. – Я Кодар, хранитель леса, а это Чара.

– ЧААА– РРРРААА! – уточнила жемчужная, озорно помахав хвостом. – Мы дрррраконы!

– Драконы? – растеряно переспросил Аргас.

– Угу! – Чара кивнула. Кодар нежно почесал ее за ушком:

– Три дня назад мы нашли тебя в снегу, без памяти, израненным до полусмерти. При тебе было лишь это, – он протянул Аргасу чёрную металлическую штуку, похожую на...

Синтет судорожно дернулся. Когтистые пальцы вырвали предмет у опешившего дракона.

«Невозможно...» – разжав кулак, Аргас посмотрел на ладонь. Невзрачная плоская черная коробочка. Серебристый штрих-код, на левом торце множество контактов. Стандартный биочип военного образца, защита по категории С.

Содрогнувшись, Аргас зажмурился и попытался привести мысли в порядок. Он держал в руках свой собственный центральный процессор. Но ведь этого не могло быть. Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда!

«Серийный номер?!» – Аргас открыл глаза и считал код, выгравированный на торце процессора. Никаких сомнений, чип был его собственным. Потеряв силы стоять, синтет беспомощно сполз по стене.

«Все правильно», – родилась странная мысль. – «Меня списали. Вот доказательство...»

Но ведь он был жив. Вопреки очевидному, вопреки логике – Аргас был жив! У

него осталась лишь последняя соломинка:

– Мне... Нужна помощь, – выдавил синтез. – Я опущу голову. Слева у основания шеи, вот здесь... – он показал – ...должен быть разъем. Проверьте, нет ли там такой же... коробки?

Чара сузила зрачки:

– Хорошо, – она несмело приблизилась и склонилась над шеей Аргаса. – Здесь шрам, – сообщила. – Почти заживший.

– Шрам? – беспомощно переспросил синтез. – Там должна быть щель... Металлическая...

– Никаких щелей, – жемчужная обошла раненного и осмотрела его с другой стороны. – Здесь тоже нет.

В этот раз Аргас потерял сознание без предварительных рассуждений.

Очнувшись, он обнаружил, что дракон по имени Чара стоит совсем рядом, уложив лапки ему на голову. Синтез механически отметил, что Чара теплокровная, и внезапно ощутил, как напряжение его покидает. В разуме воцарился покой, паника и страх куда-то улетучились. Чара оскалила зубки в жесте, который у аборигенов планеты назывался улыбкой:

– Так лучше? – спросила она. Аргасу пришлось признать, что так действительно лучше.

– Спасибо... – пробормотал он глухо. Встал, качнувшись от слабости. Крылатые внимательно следили.

– Ты голоден, – заметил Кодар, когда раненный прислонился к холодной стене. – Хочешь жареной зайчатины?

Аргас механически помотал головой:

– Я аккумулирую солнечную радиацию.

– Ась? – переспросила Чара.

Синтез встряхнулся. У него начинает сбоить программа? Ха- ха. Немудрено, без процессора- то.

– Я должен узнать ваш уровень развития, – сказал он драконам. – Для этого я произнесу шесть слов, одно за другим. Остановите меня, когда слово будет вам неизвестно, тогда я объясню, что оно значит. Если вы никогда не слышали об этом

значении, тест окончится. Согласны?

Кодар молча кивнул.

– Начали, – Аргас уселся на лосиную шкуру. – Колесо.

Молчание.

– Книга.

Молчание.

– Электричество.

Чара встрепенулась, но Кодар сделал ей знак промолчать. Аргас удовлетворенно кивнул:

– Внутриядерная энергия.

Опять молчание? Помотав головой, синтет взглянул на могучего фиолетового дракона.

– Вы знаете о внутриядерной энергии?

– Знаем, – коротко ответил крылатый.

Аргас удивленно подался назад. Помолчал.

– Гравитационное исчисление.

– Непонятно, – сообщила Чара.

– Это область высшей математики, используется для расчета траекторий космических кораблей.

– Мы о таком не слыхали.

– Ясно, – Аргас вздохнул с некоторым облегчением. – Спасибо за содействие.

Кодар улыбнулся:

– Какие два следующих слова ты собирался сказать?

– Искусственный интеллект и магия.

Крылатый задумчиво кивнул.

– Я не слышал об искусственном разуме, но магия нам хорошо знакома.

Аргас натянуто улыбнулся:

– Это невозможно.

– Почему?

– Магия – высшая ступень науки. Для освоения магии требуется пройти гигантский путь развития, в самом начале которого лежат незнакомые вам понятия.

Чара фыркнула. Подняв лапу, она щелкнула когтистыми пальцами и, в воздухе, возник светящийся сгусток энергии. На глазах потрясенного Аргаса он принял облик небольшой птички, облетел комнату по кругу и с тихим хлопком испарился. Попятившись, синтет прижался к стене.

– Это невозможно, – повторил он. – Это...

– Верь глазам своим, – весело посоветовал Кодар.

Аргас содрогнулся.

– Я вышел из строя, – сказал он вслух. – Вероятно, сломался модуль распознавания образов, и я вижу то, чего не могу видеть.

– Быть может, представишься? – поинтересовался фиолетовый дракон. – Нам бы хотелось знать, кто ты и как зовется твой род.

Чара энергично кивнула:

– Мы таких еще не видали! Все твои раны зажили за три неполных дня!

Аргас некоторое время размышлял. Объяснение, кто он такой, звучало совершенно по-разному в зависимости от уровня развития собеседника. В конце концов, синтет решил ориентироваться на самца, придя к заключению, что в крайнем случае тот все сможет объяснить самочке.

– Я – А.Р.Г.А.С., – представился он. – Искусственный живой организм, «синтет». Моё назначение – разведка опасных обитаемых планет и установка первого контакта с местными жителями.

Крылатые переглянулись.

– Тебя создали маги? – спросила Чара.

– Нет. Я был создан с помощью менее высоких технологий, – бросив взгляд на Кодара, Аргас уточнил: – Мой род вывели из диких зверей и улучшили.

– Никогда не видел такого зверя, – заметил фиолетовый. – Ты выглядишь помесью львенка, фазана и кактуса.

Аргас растянул губы в жесте «улыбки».

– Моя внешность специально разработана, чтобы местные жители не боялись контактера. Я должен вызывать ассоциации с безопасными и милыми существами.

– Это львы – то безопасные? – фыркнула Чара. Аргас кивнул:

– Детеныши всех кошек производят на аборигенов положительное впечатление

и резко снижают изначальную агрессию.

Чара подалась вперед:

– Ты самец или самка?

– Мы спорим об этом с самого мига, как тебя нашли, – с легким смущением добавил Кодар.

Аргас покачал головой:

– Ни то, ни другое. Синтеты не размножаются сами, нас производят на заводах. Мне не требуется пища, однако воду я пью, и время от времени должен принимать набор минеральных солей.

– Погодь... – опешила жемчужная драконочка. – То есть, как, не требуется пища? Как это?!

– Мой цвет, – коротко ответил Аргас. – Я зеленый не только для маскировки. На солнце вся поверхность моего тела начинает производить энергию, это называется фотофагия.

Он сложил крылья на спине и провел лапой по изумрудной шерсти.

– Каждая моя шерстинка похожа на световод, крохотную нанотрубочку. Световоды ловят излучение солнца и не дают ему отражаться, поглощая более семидесяти процентов полезной энергии.

– Поэтому шерсть не блестит? – быстро спросила Чара. Слегка удивленный ее смекалкой, Аргас кивнул:

– Верно.

– То есть, ты питаешься как растения? – пораженный фиолетовый дракон открыл пасть. – Вода, воздух да солнце?!

Синтет улыбнулся:

– Абсолютно правильно.

Недоверчиво поскребя за рогом, Кодар разлегся на полу, словно гигантский лиловый дельфин, и сделал крылом приглашающий жест:

– Расскажи о себе. В наших краях нет других... «синтетов». Как ты здесь оказался?

– И кто так тебя потрепал? – вставила Чара.

Нервно дергая хвостом, Аргас опустил голову.

– Я не помню, – сказал он глухо. – Мой разум сильно пострадал. Это... – он кивнул на процессор, – ...было моим сердцем и мозгом. Без него я должен был умереть, однако не умер. Теперь я даже не знаю, кто я такой.

Чара звонко рассмеялась.

– Ты пушистый, зеленый, крылатый львенок!

Аргас медленно покачал головой:

– Не уверен.

– Почему?

– Я многое позабыл, но многое до сих пор помню, – хмуро отозвался синтет. – Откуда во мне эта память? Все, чем я когда-либо был, вся моя личность и разум, хранились тут, – он с хрустом сдавил процессор. – Как пустая оболочка может жить?

Крылатые переглянулись. Кодар с сомнением почесал за рогом крыльевым когтем, Чара развела лапками. Фиолетовый дракон тяжело вздохнул и поднялся с пола.

– Что ж, торопить не будем. Коли голоден – на дворе славное зимнее солнышко. В лес один не ходи, тут полно зверья... И кого похуже... Ну, а как замерзнешь, ворочайся да полезай на печь. Мы всякому гостю рады.

– Угу! – закивала Чара. Аргас с трудом улыбнулся.

– Спасибо, – он направился к дверям. Драконы долго провожали взглядами странного зеленого льва.

По окнам засыпанный снегом, сруб стоял в центре ничем не огороженной, большой круглой полянки. Рядом темнел массивный сарай с плоской крышей, парочка подсобных строений неведомого назначения, пустующий конский выгон. Чуть в стороне, из снега торчала резная треугольная крыша с фигурками медведей на гребне – очевидно, навес над колодцем.

Погода стояла тихая, в белесом небе парило лишь несколько облаков. Какое-то время Аргас равномерно месил снег по периметру полянки, расправив крылья и всем телом впитывая скудное зимнее солнце. Сила еще не полностью к нему вернулась.

Синтет медленно начинал понимать, что каким-то невероятным образом пережил полное разрушение всей контрольной схемы, и отныне мыслит собственным, «биологическим» мозгом, который раньше использовался только для контроля моторик. Аргас все чаще замечал за собой нетипичное поведение и гадал, кем же он

станет в ближайшем будущем.

Синтет подозревал, что яркое воспоминание о необходимости «выбраться из метели» было связано как раз с моментом разрушения процессора. Быть может, так его разум интерпретировал смену носителя? Аргас еще не задумывался над смыслом понятий «воля» и «освобождение», однако смутно ощущал в себе нечто новое.

Синтет никогда не был машиной в том смысле, каким это слово обычно наделяют. Он обладал эмоциями и желаниями, хотя, конечно, в зачаточных формах, умел обучаться и накапливать жизненный опыт. А главное, Аргас имел полноценный искусственный интеллект – тот самый, который после разрушения процессора «переместился» в его мозг и постепенно начинал становиться разумом. С объективной точки зрения, синтет пока был новорожденным младенцем; иначе его заинтересовал бы факт, что биологический мозг, оставленный только для нормального функционирования мышц, оказывается, способен заменить могучий процессор.

Где– то в самой глубине подсознания, пугающая своей новизной, уже угнездилась страшная, невозможная мысль. Быть может, если узнать, каким образом он выжил... И обучить этому других синтетов... Но Аргас пока не осмеливался развивать подобную мысль. Торопиться некуда. Его в любом случае уже списали, впереди сколько угодно времени. В настоящий момент синтет собирался поближе узнать своих спасителей.

Аргас хранил детальную базу данных о планете, куда был послан с заданием, и твердо знал, что драконы здесь не водились. Версию с его собственным перемещением на другую планету синтет не развивал: все данные, включая спектр солнца и состав атмосферы, свидетельствовали, что он никуда не улетал.

Оставалось единственное объяснение: драконы, как и он сам, были гостями из другого мира. Но вероятность случайной встречи двух экспедиций, не знавших друг о друге, была столь мала, что Аргас даже не пытался ее просчитать. Он мог бы сойти с ума и разрушиться, пытаясь понять невозможное, однако – к счастью – во всем, что случилось, была одна дыра. Огромная дыра, достаточно глубокая чтобы вместить любое объяснение. Аргас совершенно не помнил, как попал из жаркой полупустыни в ледяную тайгу и что послужило причиной его ранения.

Тем временем, из дверей, зябко кутаясь в лосиную шкуру, выглянула Чара, и

Аргас прервал размышления. Белая драконочка осмотрела заснеженную полянку.

– Львишка– льдышка, ты там как? Не замерз?

– Слегка, – Аргас сложил крылья и приблизился к дому. Чара смерила его скептическим взглядом.

– Странный ты.

– Почему?

– А говорящий зеленый крылатый лев – это не странно?! – возмутилась драконочка. Аргас с сомнением оглядел себя через плечо.

– Тут много факторов...

– И говоришь странно! – твердо оборвала жемчужная. Вздохнув, синтез развел крыльями:

– Что ж, да будет так. Я странный.

Чара растянула пасть в веселой улыбке:

– Здорово! – отбросив лосиную шкуру, она высоко подпрыгнула и плюхнулась спиной в снег, распластав крылья на несколько метров. – Будем дружить! Вот как оправишься, полетаем над тайгой, такие укrrrrромные местечки покажу, закачаешься! Тебе здесь понравится. Природа у нас сказочная.

Аргас встрепенулся:

– А как вы, драконы, очутились... здесь? – он оглядел заснеженный лес. – И где «здесь»? Где мы сейчас находимся?

Чара уселась на хвост, загребла крыльями снег и засыпала себя почти до горла. Лукаво прищурилась:

– Мы тут живем, – объяснила. – Кодар – Хранитель Леса. Ну, а я ему помогаю.

– Но где же расположен ваш лес?

Драконочка фыркнула.

– Да повсюду! Ты чего, не слыхал о навьих тропах? – она выкарабкалась из сугроба и широко распахнула крылья. – Кодаров лес сам на себя обернут, он повсюду. Куда ни лети.

Опешивший Аргас невольно шагнул назад:

– Обернут сам на себя?

– Ну да, – замерзшая драконочка протопала по снегу ко входу во сруб и накинула

лосиную шкуру.

– А выхода нет?! – с ужасом спросил синтет.

Чара с сомнением склонила голову набок:

– Выхода ВО ЧТО?

– Как, во что? – у Аргаса шерсть встала дыбом. – Во внешний мир! Мир, где... не только лес!

Драконочка устало вздохнула.

– Поговори с Кодаром. Он Хранитель, он и решает. Только, коли надумал уйти, еще четыре дня придется обождать.

Аргас напрягся:

– Почему?

Чара бросила на собеседника невеселый взгляд.

– Совсем ничего не помнишь, да? – спросила грустно. Приблизившись, она опустила на колено и развела пальцами густую зеленую шерсть на груди Аргаса. Там, прямо над сердцем, тускло алели четыре неровных полосы.

– Пока ты без памяти валялся, Она приходила каждую ночь, – очень серьезно сказала жемчужная драконесса. – Ей дозволено являться семь раз. Трижды Кодар Ее отгонял, еще четыре ночи проведешь в безопасности рядом с нами – и освободишься.

Аргас попятился. В нем впервые родилась новая эмоция, столь несвойственная синтетам, что ей даже название удалось подобрать не сразу.

– Знаю, страшно, – Чара потрепала Аргаса крылом. – Да не бойся, драконы друзей не предают. Сдюжим.

Подмигнув, она отвернулась и вошла в дом. Дрожащий не от холода, синтет остался на снегу в одиночестве.

Какое– то время Аргас пытался привести мысли в порядок. Все, что хранилось в его памяти, восставало против слов жемчужной драконочки. Но даже факт его собственного существования был абсолютно необъясним, как и пробуждение в заснеженном лесу рядом с огромными говорящими рептилиями. Которые вообще не водились на этой планете...

– Друг, не сможешь?

Встряхнувшись, синтет оглянулся. Голос донесся из приоткрытых ворот

большого сарая с плоской крышей, что темнел неподалеку от сруба.

Утопая в глубоком снегу, Аргас приблизился. Массивные створки из крест-накрест уложенных досок были до того тяжелы, что синтегу лишь с огромным трудом удалось протиснуться в щель. Открывшееся внутри зрелище вновь заставило его усомниться в собственном здравомыслии.

Львиную долю помещения занимал массивный, подвешенный на тросах корабль. Точнее, неведомого назначения аппарат, очертаниями напоминавший древнюю славянскую ладью, к бортам которой были приделаны два широченных «кистеперых» плавника- веера. Аналогичные, только поменьше, торчали и на корме; еще целая куча была сложена в углу цеха, рядом с разобранной мачтой. Ни ладья, ни плавники еще не были покрашены, в сарае приятно пахло свежей древесиной.

– Ну так поможешь? – из- под корпуса выглянул раздосадованный Кодар. Вздрогнув, Аргас большим усилием воли поборол изумление и, торопливо, приблизился:

– Конечно! Как?

– Да шишига... – буркнул дракон. – Вон, под матицу забила. Лапа не пролезает, что б схватить.

Удивленный синтег присел и заглянул под массивную балку, на которую опирался киль подвешенного корабля. Там, в полутьме, сверкали глазки- пуговики маленького пушистого существа, напоминавшего темно- зеленый меховой кубик.

– Не бойсь, оно не кусается, – фыркнул Кодар, заметив колебания Аргаса. Тот, помедлив еще немного, наконец решился и, молниеносным кошачьим выпадом лапы, схватил шишигу за шерсть. Зверек завертелся юлой, но не издал ни звука, даже когда его извлекли из- под балки и вручили дракону.

– Вот, молодец! – обрадовался тот. Шишига в огромной когтистой ладони была почти незаметна. – Повезло, что я ее учуял. Изгрызла бы к завтраму все снасти!

Кодар подошел к стене, где блестел обитый жестью сундук, сунул зверька внутрь и поспешно захлопнул крышку.

– Так- то лучше... – он обернулся к синтегу. – Благодарствую, друг- пернатый. Аргас вежливо кивнул:

– Рад оказаться полезным. Могу я еще чем- либо помочь?

Дракон с сомнением почесал за рогом крыльевым когтем.

– Ну, честно говоря, да... Я бы Чару попросил, да она терпеть не может все механическое, – он со вздохом развел крыльями и повернулся к кораблю: – Гляди, эти блоки надо крепить разом на носу и корме. Одному не дотянуться.

Кивнув, синтет взял зубами деталь. Вместе с Кодаром, они за пару часов установили меж бортов ладьи сложную систему растяжек. Потом фиолетовый дракон долго и придирчиво осматривал каждое крепление.

– Вроде, держит... – он облегченно вздохнул и, с размаху, уселся прямо в грудку древесных опилок, наваленную у стены. – Спасибо, пернатый! Удружил.

Аргас постарался скопировать жест «улыбки».

– Можно вопрос?

– Да хоть два! – дракон оскалил страшные зубы. – Ну же, не стесняйся. Будь как дома!

Синтет кивнул на ладью:

– Что это?

Кодар с гордостью вскинул голову:

– Нравится? Мой летучий корабль! Название пока не придумал.

– А– а... Зачем крылатому существу летучий корабль?

Дракон хмыкнул.

– Не всюду ж на крыльях поспеешь. Я считаю: когда в дальний полет отправляешься, готовым надо быть ко всему. А что б ко всему готовым быть, уйму всего надо с собою тащить. Вот ты, пернатый, далеко улетишь, коли тебя сотнею пудов навьючить? – Кодар наставительно погрозил синтету когтистым пальцем. – И вообще, я думаю как закончу – на Луну махнуть.

Аргас чуть не подавился:

– На Луну?

– А– ага.

– В этом?!

– А чем плоха моя крошка? – светло– зеленые глаза дракона смеялись. Растерянный, Аргас молча посмотрел на ладью, затем – вновь на Кодара. Тот развел лапами:

– Знаю, путь неблизкий. Но и я не лыком шит. Ведал бы, в каких передрягах мы с Чарой бывали, куда нас только крылья не заносили... Однажды, помню, было дело в предгорьях Одинцовых, пурга разыгралась – мрак. Пришлось ночевать в машине. А мороз...

– Пойдите! – синтез вздрогнул. – В машине? Какой машине?!

Дракон рассмеялся.

– Да прошлая моя поделка, сани самобеглые. Отличная была штукавина! Жаль, провалилась под лед как– то раз... – Кодар огорченно понурил голову, но быстро повеселел и, с любовью, поднял глаза на летучий корабль:

– Ничего, вот увидишь: эта крошка затмит все, – он энергично кивнул. – Люблю я, понимаешь, лапками работать, механизмы да машины всякие мастерить. Чара – на дух не выносит. Она вообще страсть как не любит, когда я «трачу время» не на картины. Я, понимаешь, художник, – смущенно признался дракон, – И Чара уверена, будто ничем другим заниматься не стоит. А на самом деле, хоть ковыряния в железках и используют тот же ограниченный ресурс, что и рисование, конкурируют за него – без них существо было бы менее счастливым и менее свободным. Я строю машины и отправляюсь искать приключения, а ведь каждая экспедиция заряжает впечатлениями и красками, что в свою очередь помогают и в рисовании тоже. Одни из самых своих удачных картин я как раз и нарисовал, держа в свежей памяти впечатления от полетов... – Кодар развел крыльями.

Синтез сглотнул:

– Но... Луна, она ведь... Понимаете, туда на орнитоптере не долететь, это совершенно невозможно.

Дракон весело подмигнул:

– Там, откуда ты родом, наверное, так и есть. А наша Луна – другая. Знаешь, как она появилась? – Кодар склонил голову набок. – Откуда тебе знать. Слушай. На самой заре времен, когда только– только отделилось Небо от Земи, сошлись в первой битве Сокол с Ящером. Ударились грудь о грудь, высекли лед и пламя; так от удара того, страшного, родились Огнебог с Чернобогом. Невзлюбили они друг друга с первого, понимаешь, вдоха, разошлись в разные стороны... – дракон покачал головой. – Шел Огнебог, шел, а ведь солнца тогда еще не было, темень царила повсюду – вот Огнебог

и споткнулся о камень огромный, шишку себе набил. Осерчал несказанно! Взял, да и пнул тот камень со всей своей мощи.

Кодар ухмыльнулся.

– А камень– то был непростой. Бел– горюч Алатырь назывался. От пинка Огнебогого, взмыл Алатырь до самого неба, да раскалился так, что вспыхнул огнем белым неугасимым! И получилось солнце. Сам Огнебог такого не ожидал, зело обрадовался. А Чернобог, как солнце увидел – страшно захотел сотворить такое же, но силенок ему не хватило, и получилась Луна...

Дракон развел лапами.

– До солнца на крыльях не долететь, это понятно. А Луна много ближе, не сумел ее Чернобог высоко закинуть. Сдюжим!

Аргас молча сел на усыпанный опилками пол. Некоторое время они с Кодаром смотрели друг другу в глаза.

– Ладно, продолжу– ка я работать, – решил, наконец, дракон. – Люблю поболтать с друзьями, да болтовней сыт не будешь... Пернатый, окажи последнюю услугу, а? Отнеси шишигу подальше от дома, лады? А то коли ее Чара завидит...

Синтет встрепенулся:

– С радостью! Благодарю за интересную беседу.

Кодар улыбнулся и встал на ноги, отряхиваясь от опилок. Аргас подошел к жестяному ящику.

Шишига внутри сидела беззвучно. Пахла она, не как грызуны, а будто сноп свежей травы – приятно и необычно. Синтет без особых раздумий схватил ее зубами за шкуру и вышел из сарая. Зверек раскачивался под его пастью, будто котенок.

Аргас уже направился к лесу, когда из дверей сруба вновь выглянула жемчужная драконочка. Заметив добычу синтета, Чара издала радостный вопль и бросилась к нему галопом, прыгая по снегу на всех четырех:

– Шишига!!! Где поймал?! Вкуснятинка! Давай сюда!

Синтет замотал головой, не в силах говорить из– за занятой пасти. Чара удивленно отпрянула.

– Ась?

Аргас усадил зверька в снег и прижал лапой.

– Простите, я не могу отдать ее вам.

– То есть как?!

– Кодар просил отнести шишигу подальше от дома и выпустить.

Чара со смехом махнула крылом:

– Да он же хранитель леса, что ты его слушаешь! Ему каждая белка любя. Давай шишигу!

– Нет, – твердо отозвался Аргас. Чара нахмурилась:

– Злишь меня.

– Мне жаль, что вы злитесь.

– Давай сюда зверя, я хочу его съесть.

– Я обещал Кодару другое.

Чара смерила синтета гневным взглядом:

– Оставишь меня голодной?! – спросила недоверчиво. – Оттолкнешь?! Из– за какой– то шишиги?

– Дело не в звере, а в обещании, – твердо ответил Аргас. – У вас наверняка есть другие источники пищи.

Драконочка молча посмотрела ему в глаза.

– Ну, ладно... – пробормотала она обиженно и, разбрасывая снег хвостом, направилась ко входу в дом. Синтет дождался, пока Чара скрылась внутри, и лишь затем вновь поднял шишигу.

Помня наставление Кодара не удаляться от полянки, Аргас отошел в лес лишь на несколько метров. Едва он поставил зверька на снег, тот беззвучно юркнул под корни ближайшего дерева и затаился. Синтет вздохнул.

– Держись подальше от этого места, тут обитают хищники, – сказал грустно.

Он уже собирался идти обратно, когда высоко на стволе дерева, под которым спряталась шишига, ему померещилось движение. Дернувшись, Аргас рывком поднял голову. Так и есть: одна из веток чуть заметно шевельнулась. Взгляду пораженного синтета предстала почти совершенно невидимая в снежном лесу белая сова.

Если б она продолжала сидеть неподвижно, заметить птицу не удалось бы и на расстоянии вытянутой руки. Янтароглазая, с кисточками перьев на месте «ушей», сова в упор смотрела на зеленого льва, и в ее взгляде читались разом и насмешка, и

сочувствие.

– Кто вы? – опомнившись, неуверенно спросил Аргас. Обстановка вокруг была столь необъяснимой, что обращение с устным вопросом к лесной птице казалось вполне логичным действием. Синтет даже не удивился бы, получив ответ.

Однако сова молчала. Посидев еще немного не ветке, она беззвучно расправила широченные крылья и двумя взмахами растворилась среди заснеженных деревьев. Обладавший волчьим чутьем, Аргас потянул носом воздух – запаха птицы не чувствовалось вовсе, будто ее никогда здесь и не было. Лишь переведя глаза в инфракрасный режим, синтет заметил, что ветка, где сидела таинственная сова, заледенела и была гораздо холоднее других.

Аргас не обладал предрассудками своих создателей, но сейчас даже ему стало не по себе. То и дело оглядываясь, он поспешил уйти от кромки леса и прислонился к ограде конского выгона. Пару минут стоял неподвижно, собираясь с мыслями.

Его блуждающий взгляд остановился на толстом угловом столбе, к которому были внахлест привязаны брусья ограды. Присмотревшись, Аргас с изумлением понял, что столб – это грубо вытесанный идол, изображавший некое существо, туго обернутое крыльями летучей мыши. Лицо фигуры было скрыто, а зловещие паучьи лапы – скрещены поперек груди и тянулись до хищно загнутых вниз треугольных «ушей». В когтистых ладонях идол держал за шеи двух рогатых змей, одну – втрое меньшую другой, и в форме змеиных голов Аргас отчетливо разглядел черты своих спасителей – драконов.

Синтет невольно сглотнул. Обойдя выгон по периметру, он рассмотрел три других столба – каждый представлял собой точную копию остальных, отличаясь лишь в мелочах, неизбежных при ручной работе. Размышляя над странным открытием, Аргас вернулся к месту, где стоял у ограды – и оцепенел. На снегу было отчетливо, крупным летящим почерком, написано «Идем со мной».

Судорожно отпрянув, синтет перевел глаза в режим теплоискателя. Тщетно; автор надписи не оставил следов, а ведь Аргас был способен различать даже коридоры согретого воздуха от пролетающих птиц. Напрочь отсутствовал и запах. Чувствуя, как разум теряет связь с реальностью, уступая контроль необычно усилившимся за последнее время эмоциям, синтет стиснул зубы.

«Требуется информация» – жестко сказал себе Аргас. Необъяснимых явлений не бывает. У всего есть источник. Его надо лишь отыскать. Поддаться панике, раствориться в слепом страхе означает гибель.

Распустив крылья, он быстро продиагностировал все системы, убедился, что компас и маршрутный компьютер надежно зафиксировали координаты полянки. Солнце карабкалось к зениту, энергии должно было хватить.

Первые взмахи дались нелегко, кружилась голова и болели мышцы. Но чем выше поднимался Аргас, тем лучше ему становилось. Под крыльями сверкал ледяным совершенством изумительной красоты пейзаж, заснеженный лес простирался до горизонта.

Ни гор, ни озер, ни оврагов... Лишь на северо– западе, у самого края зрения, в белесой туманной дымке смутно виднелось нечто, похожее на башню. Туда Аргас и направил полет.

В морозном воздухе крылья стремительно покрывались корочкой льда, но особая смазка, поступающая из пор в перьях, не давала льдинкам закрепиться, так что следом за парящим синтетом тянулась почти невидимая, лишь изредка поблескивающая кристальная вуаль. Башня медленно приближалась, и с каждой минутой становилось понятнее – это руины.

Долетев, Аргас довольно долго не приземлялся, изучая местность с высоты. За исключением полуразрушенной каменной башни да нескольких стен, от крепости почти ничего не осталось, деревья в руинах росли столь же густо, как и в чащобе вокруг. Уцелевшие рукотворные фрагменты отличались очень грубой, примитивной кладкой из неотесанных каменных глыб.

Заметив под одним из обломков большую избу– пятистенку, снег вокруг которой был более– менее расчищен, Аргас бесшумно туда спланировал. Запах жаренного мяса и дымок из трубы намекали, что хозяева дома.

Пару минут синтет стоял неподвижно, прислушиваясь и озираясь. Наконец, решившись, осторожно поднялся на крыльцо и постучал в дверь. Ответ раздался не сразу:

– Кого по морозцу– то несет? – в хриловатом мужском голосе слышалось подозрение. Аргас спустился с крыльца и встал против дверей, чтобы не пугать

обитателей избы своим необычным видом.

– Я мирный странник, разрешите согреться!

Дверь приоткрылась. Из темной щели на синтета уставились внимательные карие глаза.

– Ох ты ж меня в омут, ну и привидится... – пробормотал хозяин после длительной паузы. – Это ты, что ль, говорило, чудо– юдо зеленое?

Аргас кивнул:

– Не пугайтесь. Я не причину вреда или беспокойства.

– Хрена се, и впрямь говорящий! – дверь приоткрылась. Глазам синтета предстало странное существо – сморщенный, весь покрытый густой черной свалывшейся шерстью старичок с бараньими рогами на висках. Одежды он не носил, ноги вместо ступней оканчивались сдвоенными копытцами. Из черт лица, внимание главным образом привлекал длинный, крючковатый нос.

– Ну и чо уставился? – спросил старичок после длительной напряженной паузы. Аргас, опомнившись, закрыл пасть.

– Простите. Мое имя Аргас, я заплутал в лесу и хотел расспросить об окрестностях. Можно войти?

Хозяин насторожился:

– Ступишь в мою избу? – спросил с подозрением.

Аргас кивнул. Старичок пожевал скрытыми под бородой губами:

– Что ж, входи, коль так решил...

Он отошел, пропуская гостя в дом. Аргас потоптался в сенях, отряхивая снег, осторожно поднялся по березовым ступеням в горницу. Окон здесь не было, лишь парочка щелей под самой крышей, земляной пол устлала сухие еловые лапищи. Центральное место занимала огромная печь из белого камня, источник тепла и почти всего света.

Пока Аргас устраивался в уголке между столом и лавкой, рогатый старичок поспешил взобраться на печь, уселся там, скрестив ноги, да подозрительно воззрился на гостя крохотными запавшими глазками.

– А давай– ка, зверь волшебный, молви дельце свое.

Аргас вежливо поклонился:

– Благодарю за гостеприимство. Дело в том, что со мной произошла удивительная история... – он вкратце пересказал события трех последних дней. Старичок слушал внимательно, не перебивая, но лишь до мига, когда синтет упомянул про сову.

– Ветка замерзла?! – он весь подался вперед, широко раскрыв глаза. – Как проверял?

– Я вижу тепло, у меня особые глаза...

Дернувшись, старик недоверчиво обхватил себя руками за плечи и надолго умолк. Аргас терпеливо ждал.

– Не свезло, зверушка, страсть как не свезло... – пробормотал, наконец, хозяин.

– Лихие дела...

– Я слушаю, – стараясь выглядеть спокойным, отозвался Аргас.

– Поклала на тебя десницу хладную Морана– Ночь, пурги да метелей хозяйка, – старичок понизил голос. – Не сокрыться от ней, даже в змеевых палатах, не спасут тебя Горынычи, не сдюжат. Заберет Морана. Помяни мое слово.

Аргас невольно сглотнул.

– Где мы находимся? Как называется этот лес, как из него выбраться?

– Не о том речь ведешь, зверушка, – сурово оборвал старик. – Думай, как от Мораны спастись.

Синтет помолчал.

– Я ничего не знаю ни о Моране, ни о драконах. Не знаю даже, как зовется ваш... род, и где мы находимся.

Старичок фыркнул в бороду.

– Скажи еще, будто обо мне не слыхал!

Аргас покачал головой.

– Тююю, да ты совсем темный, – огорчился старик. Вздохнув, с силой почесал себе грудь растопыренной пятерней. – Ну, да какой со зверя спрос. Ведомир я.

Повисла тишина.

– М– м– м... Приятно познакомиться, – неуверенно отозвался синтет после паузы.

Старик глуховато, хрипло рассмеялся.

– Ни бельмеса не врубаешься, а, чудо– юдо? Ладно уж, пособилю. Зуб у меня на Морану... – он подмигнул. – Да не забудь Горынычам поведать, кто тебе помог!

Он спрыгнул с печи и резво подбежал к массивному сундуку у стены. Некоторое время рылся там, что– то бормоча под нос. Наконец, выпрямившись с торжествующим видом, протянул Аргасу дурно пахнущий кусок мыла, обернутый рогожей.

– Летать умеешь, нет?

Окончательно растерявшийся синтез заставил себя кивнуть.

– Мчись от моей избы прямо на север, две версты, завидишь прогалину, – сурово приказал Ведомир. – Ива растет там плакучая, что без ветру шелестит, да зимою листвы не теряет. Из– под ивовых корней – ручеек течет белый, незамерзающий.

Старик подался вперед:

– Трижды ополоснись в том ручье, и потеряет Морана твой след.

Аргас нервно переступил с лапы на лапу.

– А... Вы уверены, мыло поможет?

– Мыло? – переспросил Ведомир и, непонимающе, уставился на синтеза. – Это, что ль? – он расхохотался ухающим старческим смехом. – Да эт я так, в подарок. Мне– то без надобности... – он весело подмигнул. – Ну же, не стой, корочун на носу – оглянуться не успеешь, как стемнеет! Лети!

Растеряно кивнув, Аргас вышел на крыльцо и сильно вздрогнул, когда мороз вцепился в него когтями после теплой избы. Взлететь, однако, не успел – на снег с шумом приземлился громадный фиолетовый дракон.

– Так я и знал, – буркнул он, исподлобья глядя на Ведомира.

Старик внезапно склонил голову набок и состроил дракону рожицу, приложив растопыренную ладонь большим пальцем к носу.

– Опоздал, змеев сын! Опоздал, опоздал!

Кодар поморщился и перевел глаза на Аргаса.

– Выбрось скорее, это яд, – приказал он, указав когтем на мыло. – Никогда и ничего не бери у леших.

– Леших?! – синтез широко раскрыл глаза.

Кодар хотел ответить, но Ведомир неожиданно издал противный визг и прыгнул на спину Аргасу. Бедняга так растерялся, что даже не успел дернуться; к счастью,

фиолетовый дракон был готов ко всему. Прежде, чем старик успел вцепиться коричневыми искрошенными зубами своей жертве в загривок, Кодар рванулся вперед и схватил Ведомира за горло, не давая укусить.

– Врешь... – дракон протянул вперед крылья и суставными когтями отодрал руки лешего от оцепеневшего синтета. Старик верещал и отбивался. Кодар немного подержал его в воздухе, забросил в открытую дверь избы и быстро провел когтем черту поперек крыльца. Ведомир взвыл от гнева:

– Не посмеешь! Я в правоте! Он сам войти пожелал!

Дракон помог Аргасу встать. Обернул голову и бросил гневно, через плечо:

– Семь дней, семь ночей оберег не сведешь. За злобу свою эту кару несешь.

– Ах ты *****, *** голохвостая **** * ***** медвежий ***** через *****
***** горноста я тебе в *****...

Не обращая больше внимания на вопли из– за спины, Кодар склонил голову к Аргасу.

– Ты в порядке?

– Кажется... – выдавил синтет. Его легонько трясло, и причина этого не поддавалась самодиагностике. Фиолетовый дракон неодобрительно покачал головой:

– Я же просил не удаляться от сруба. Скажи спасибо, что хоть лешему попался, а не яриле снежному или загребушке...

Аргас с дрожью кивнул.

– Простите. Я мало знаю о вашем мире. Всего этого не было на планете, куда меня отправили с заданием. Я совершенно ничего не понимаю.

– Верю, – вздохнул Кодар. – Ладно, давай– ка возвращаться, а то дни нынче короткие. Того и гляди, зазевался – а на дворе ночь.

Синтет встрепенулся:

– Леший... (Аграса передернуло) ... упоминал имя Мораны! Это ее вы трижды «отгоняли», пока я был без сознания? Кто она?

Дракон помрачнел.

– Вернемся в дом, тогда и побеседуем. Крылья не повредил?

Аргас помотал головой.

– Так лети же! – Кодар подтолкнул его вперед. – Я следом.

Синтет послушал совета и прынул в небо. Обратный путь занял гораздо меньше времени; не прошло и десяти минут, как двое крылатых с шумом опустились у сруба, подняв небольшую метель. На звук из дверей выглянула Чара.

– Целехонек! – объявила она, смерив Аргаса насмешливым взглядом. – Везунчик.

– Зачем оставила его одного? – с укоризной спросил Кодар.

– Небось не поранился...

– Мне пришлось беднягу из когтей лешего вызволять.

– Жаль, я не видела, – фыркнула драконочка. Неодобрительно вздохнув, Кодар оглянулся на синтета:

– Ступай в дом, согрейся. Я еще поработаю до темноты...

Чара скрестила лапки на груди:

– Опять свое адское корыто латать?!

Фиолетовый улыбнулся.

– Ну нравится мне...

– Лучше б картину закончил!

– Да закончу, – дракон отмахнулся крылом. – Куда торопиться– то? Позаботься лучше о госте. Он и впрямь зеленый. Сгинет ведь.

Жемчужная ядовито хмыкнула.

– Махнемся, не глядя? Присмотри за ним сам, а я о корыте «позабочусь»!

– Так я тебя и подпустил! – фыркнул фиолетовый, направляясь к сараю. Чара, что– то недовольно пробурчав ему вслед, перевела взгляд на Аргаса:

– Ну, герой, скольких еще шишиг спас?

– Кто такая Морана? – твердо спросил синтет.

Чара прищурила глазки:

– Никак Вedomира наслушался? Ох, зеленая твоя башка. Да как можно хоть одному слову лешего– то верить!

Аргас покачал головой:

– Это не ложь. Утром вы сами говорили о Моране.

– Да брось! – драконочка фыркнула. – Разве я о Моране хоть заикнулась?!

Синтет подался вперед:

– Утром – нет, а вот прямо сейчас вы открыто признали, что она существует и леший не лгал.

Чара устало развела крыльями.

– Зеленый, мне с тобой препираться не с хвоста, – она покачала головой. – Морану ему подавай. Спасибо скажи, что не ведаешь, кто это! А главное – то, главное: мы тебя отогрели, трижды от Нее оградили – дык стоит какому – то лешему напелсти невесть что, слепо веришь?!

Аргас смутился.

– Простите. Я лишь пытаюсь понять...

– Четыре ночи! – оборвала драконочка. – Че– ты– rrrrrre. Угомонись на четыре ночи, а потом лети, куда вздумается! – она решительно приблизилась и постучала Аргасу пальцем по лбу.

– И дня не прошло, как очухался, а уже попался лешему. Ты ведь ничегошеньки об этом месте не знаешь, львишка– льдышка, – с неожиданной грустью сказала крылатая. – Лес, полянка да изба. Думаешь, все так просто? Полагаешь, там... – она кивнула в сторону кромки деревьев – ...одни шишиги водятся?

Синтет заставил себя покачать головой. Чара вновь опустила на все четыре лапы и, с большим подозрением, оглядела Аргаса от ушей до кончика хвоста.

– М– м– м... Знаешь, а посажу– ка я тебя на цепь, – решила внезапно.

Синтет широко раскрыл глаза:

– Что?!

– Для твоего же блага, уж поверь, – усмехнулась драконочка. – Не то сунешься ночью поглазеть, кого отгоняет Кодар, и поминай, как звали. Идем.

Вся шерсть Аргаса встала дыбом:

– Вы сошли с ума? Я не надену цепь!

– Извини. Слишком рискованно, – тихо сказала Чара и щелкнула в воздухе когтями. Зрение синтета помутилось, лапы отказали; не успев даже вскрикнуть, он рухнул на снег.

Очнулся в полной темноте. Сбоку струился жар, Аргас поспешно перевел глаза в тепловой режим и невольно слотнул: он лежал на груде сушняка в подполье драконьего сруба, судя по всему – прямо у фундамента печи. Здесь было тепло и

приятно пахло сеном, земляной пол удивлял чистотой – видимо, селиться в одном доме с драконами опасались даже грызуны.

Тонкая посеребренная цепочка тянулась от стального ошейника к кольцу, вделанному в кирпичный фундамент печи. Аргас его подергал, но сразу прекратил бесплодные попытки, определив по реакции металла на растяжение, что цепочка шутя выдержит несколько тонн разрывного усилия.

Напряжением воли обуздав эмоции, синтез принялся размышлять. Жемчужная драконочка, несомненно, владела высшими формами магии, управляя внутриядерной энергией материи лишь волевыми усилиями – никаких технических имплантатов в ее теле инфракрасное зрение не обнаружило. Аналогичными способностями, вполне вероятно, обладал и крупный дракон; Аргас вспомнил, как простая черта поперек крыльца на неделю заперла лешего в его собственной избе. Сопrotивляться подобным существам силой было бесполезно и недальновидно.

Опустив голову на лапы, синтез накрылся крылом. Четыре ночи, сказала драконесса. Не так уж и страшно. Кроме того, если даже и удастся бежать – Аргас не представлял, как отыскать «навью тропу» и что это вообще такое.

Медленно потянулись часы. Прежде, когда его интеллект функционировал в процессоре, синтезу не требовалось ни спать, ни ждать. Скорость субъективного времени свободно регулировалась, Аргас мог «замедлиться» до такой степени, что за минуту пропускал более месяца. Сейчас, разумеется, вместе со свободой пришли и все «прелести» бытия нормального живого существа.

По крайней мере, часть своих способностей синтез сохранил – например, внутренний хронометр. Согласно его показаниям, без памяти он провел несколько часов и, снаружи, давно наступила ночь. Кто бы ни охотился во тьме за пленником, сейчас он был там. Наверху.

Аргас с дрожью коснулся лапой четырех шрамов над сердцем. Пока четырех... А если Кодар не справится, если Она ворвется в дом? Успеет ли пленник услышать Ее тяжкую поступь, или быстрый перестук коготков? Есть ли у Нее вообще ноги? Почему одинокий списанный синтез так интересен зловещей Мо...

Кто– то дернул его за усы.

Аргас так отпрянул, что с глухим стуком врезался в кирпичный фундамент.

Звякнула цепь. Широко раскрыв глаза, потрясенный синтет уставился на маленькое пушистое существо, напоминавшее меховой кубик с блестящими глазенками.

– Шишига?! – Аргас от изумления приоткрыл пасть. Зверек не ответил; смело приблизившись, он выпростал прежде совершенно незаметные под мехом лапки и взял ими серебряную цепь. Бросил на синтета внимательный взгляд.

Щелкнули зубы, и сверхпрочная цепочка со звоном распалась надвое. Ошарашенный Аргас поднялся с пола.

– Спасибо... – пробормотал он в растерянности. Шишига, так и не издав ни звука, с юрким проворством засемила прочь и, спустя мгновение, неведомо как исчезла. Пораженный Аргас остался один в темноте.

Какое– то время ему потребовалось, чтобы обуздать царивший в душе хаос. Наконец, опомнившись, он намотал огрызок цепи вокруг шеи и прокрался к люку, что темнел в потолке у дальней стены.

Инфракрасное зрение зимой работало идеально. Хотя в срубe топилась печь, Аргас прекрасно различал все помещение над головой – драконов там не было. Осторожно приподняв люк, синтет выбрался из подполья и по– кошачьи, совершенно беззвучно, прокрался к выходу.

Массивные бревна стен не пропускали тепла, однако дверь была сбита из тонких досок, и для инфракрасного зрения синтета будто не существовала. Яркие красно– оранжевые фигуры драконов, стоявших метрах в сорока от дома на опушке, превосходно выделялись на снегу.

Однако был там и кое– кто еще... Аргас застыл, прижался к полу, от страха у него свело внутренности. Напротив драконов, у самой кромки угрюмо темневшего леса, мутно шевелился клубок кромешного мрака.

Очертания чудовища расплывались, мороз окутывал его синим туманом. Но даже того, что сумел различить Аргас сквозь дверь и четыре десятка метров, хватило для понимания: там, снаружи – смерть. Не «отключение», не «списывание», даже не «стирание», нет. Просто смерть. Что приходит лишь к живым.

Тщетно пытаясь справиться с ужасом, синтет отполз от двери и бросился к слюдяному окошку в противоположной стене. Лететь в лес, сейчас, когда ТАМ клубилась безусловная гибель, он не мог и помыслить; но ожидать в доме возвращения

драконов также было не лучшей идеей. Аргас с трудом открыл примерзшее окно и выбрался на волю.

Холод метнул в него мириады дротиков, живо напомнив сон о пурге. Синтет выпустил когти; вцепившись в бревно, он повис на стене и плотно затворил окошко, стер следы лап.

Спрыгнув на снег, Аргас, крадучись, скользнул к кромке леса. Потоптался там пару мгновений, исцарапал когтями ствол крупного дерева, а затем сильным прыжком бросил себя в воздух, расправляя крылья.

Двумя взмахами одолев расстояние, синтет бесшумно опустился на крышу подсобного помещения, что темнело рядом с сараем. Еще днем он заметил в его стене неплотно закрытые широкие ставни, а сейчас, пользуясь инфракрасным зрением, отыскал внутренний крючок и легко приподнял его когтем сквозь щель между створками.

Внутри царили холод и мрак. Тем лучше – можно спрятаться до рассвета. Аргас тщательно уничтожил следы взлома, вновь затворил ставни и, только потом, огляделся.

Температура здесь была такая же, как снаружи, поэтому тепловое зрение работало плохо. Тем не менее, синтет сумел различить установленное спинкой к большому окну, деревянное «кресло» драконьих габаритов, перед которым на сложном, многозвенном штативе крепился мольберт. Вспомнив слова Чары, Аргас догадался, что попал в художественную мастерскую Кодара – очевидно, фиолетовый дракон любил не только машины.

Сейчас на мольберте был закреплен большой берестяной лист, но различить рисунок при помощи инфракрасного зрения оказалось, разумеется, невозможно. Вдоль стен мастерской тянулись многочисленные полки, уставленные горшочками с краской, наборами кистей всех размеров и форм, цветными мелками, скребками, палитрами, а также – Аргас недоверчиво моргнул – глиняными фигурками птиц и зверей. Оценить их окраску тепловым зрением он не мог, но детализация и совершенство форм поражали – как у дракона, с его габаритами, получалось подобное, представить было непросто. Синтет понял, что Кодар удивительный мастер на все лапы.

Одна из полок, под самым потолком, резко отличалась от остальных: хозяин застеклил ее слюдяными листами и проложил полосками кожи все швы. Аргас

аккуратно взобрался на спинку кресла; как он и предполагал, на «особенной» полке хранились свернутые трубкой картины.

Синтет уже потянулся к ним, когда его чуткие уши уловили тяжкие драконьи шаги за стеной. Сглотнув, Аргас беззвучно спрыгнул на пол и застыл, свернувшись под креслом клубком.

Судя по слабому подрагиванию земли в такт, это мог быть только Кодар. Дракон, очевидно, устал: он топал к дому на всех четырех, медленно и грузно. Когда вдали раздался звонкий голосок Чары, фиолетовый как раз находился у самой мастерской.

– Гррррау! – драконочка издала невоспроизводимый звук. – Он сбежал!

– Кто? – не сразу понял Кодар, устало присев на снег. – Аргас?

– А сколько еще у нас в подполье зеленых львов?!

Дракон шумно перевел дух.

– Ну, сбежал, и что такого? Этой ночью Морана уже не вернется. Я хочу спать...

– Ни хвоста себе! – Чара подбежала к другу. – Ты ранен?!

– Да нет, устал просто.

– Идем в дом, идем. Согреешься, поешь.

– Мне и тут неплохо... – зевая, пробормотал Кодар. – Завтра еще львенка ловить...

– Этим я сама займусь.

Дракон вновь зевнул.

– Зачем ты его вообще откопала? – спросил уныло. – Знала ведь, чем все кончится.

– А думаешь одному тебе скучно среди леших да вурдалаков? – грустно отозвалась Чара.

– Но это же... Механизм. Как ты не понимаешь?

– По мне, он живет любого в округе!

– Это не «он». Это машина. Ее собрали на заводе пять миллионов лет назад. Прах ее создателей давно превратился в нефть. Чего ты надеешься достичь?

– Он живой, – тихо сказала Чара.

Повисла тишина.

– То есть? – совсем другим тоном, очень серьезно спросил Кодар.

– В нем есть искра.

– Но... Уверена?

– Говорю тебе.

– И что дальше?

Чара какое– то время молчала.

– Я... не знаю.

Вновь воцарилась густая, напряженная тишина.

– Думаешь, поэтому на него Морана глаз положила? – спросил Кодар после паузы.

– Уверена, – голос жемчужной драконочки дрогнул. – Я не чувствовала в ней такой... Устремленности... Не помню уж, сколько лет.

– Я тоже. Львенок ей очень– очень нужен.

– Тем важнее его сохранить, – твердо заявила Чара. – Довольно Морана нам портила жизнь. Наш черед!

Кодар тяжело вздохнул.

– А может, отдадим ей львенка и никогда больше ее не увидим? Только представь...

– Гхшшшшш! – Чара даже зашипела. – Я ее ненавижу!

– Да знаю, знаю... – послышался еще более грустный вздох. – Хочу спать.

– Дык пошли в дом!

– Ладно, – вновь раздались могучие шаги. Оцепеневший, уничтоженный Аргас смотрел в стену невидящим взглядом.

ПЯТЬ МИЛЛИОНОВ ЛЕТ.

Его откопали и оживили. Он все правильно помнил. Выполнил задание, возвращался к шаттлу. Тьма. Метель. Огонек. Пробуждение в драконьем логове.

Вот только тьма длилась **ПЯТЬ МИЛЛИОНОВ ЛЕТ.**

У Аргаса закружилась голова, рассудок помутился. Его дом... Создатели... Миссия... Весь знакомый ему мир! Как же так... Почему?!

Синтет не понимал, что происходит. Откуда подобная буря эмоций, боль в груди? Он и прежде сознавал, что был списан. Есть ли разница, сколько тысячелетий сломанный биоробот валялся на свалке, прежде чем его отыскали и починили

могущественные пришельцы?

Еще никогда Аргасу не было так плохо. Он даже не мог дать четкое определение своему состоянию – в памяти хранились шаблоны для «боли», «увечья», «поломки», но как описать нынешнее чувство, синтез не знал. Понимал он лишь одно: отчетливо, до скрежета зубов, до вопля. Он никогда не вернется.

Свернувшись клубком, Аргас вцепился в собственный хвост и застыл, утратив чувство времени, лишившись желаний. Миновали часы или дни – он не ведал. Пришел в себя, лишь когда ощутил шестым чувством холодный, недобрый взгляд.

Синтез нехотя поднял голову. И хотя последствия шока еще не отпустили, встреча с белой совой в наглухо запертой мастерской заставила шерсть встать дыбом, а сердце болезненно ёкнуть.

Птица сидела на полу, в аккуратном круге заледеневшей земли, от ее перьев вздымалась еле заметная, дымчатая морозная мгла. Когда Аргас сообразил, что смотрит на сову инфракрасным зрением, и все равно видит янтарный свет ее глаз, ужас им окончательно овладел.

Не в силах бежать или сопротивляться, синтез оцепенел перед жуткой гостьей. Ледяная птица сидела недвижно.

«Позови меня» – голос мертвого существа прозвучал в его разуме. Аргас зажмурился, но сова оставалась перед ним даже с закрытыми глазами.

«Позови меня!»

– Нет... – прошептали его дрожащие губы.

«Идем со мной»

– Нет!

«Я так долго тебя ждала»

Трепещущий Аргас вжался в угол, накрылся крыльями, уперся всеми лапами в землю.

– Уйди! – простонал он с мукой.

Сова не двинулась.

«Мне холодно» – сказал мертвый голос.

Синтез плотнее сжал крылья:

– Уходи! Оставь меня!

Ответа не последовало. Аргас в страхе поднял голову – сова исчезла, оставив лишь мерзлый круг в центре комнаты. От пережитого ужаса лапы синтета подкосились и он, мешком, рухнул на пол.

Как наступило утро, Аргас не запомнил. Остаток ночи он провел в состоянии, близком к помешательству, и лишь первые солнечные лучи, проникшие сквозь щели в ставнях, вернули синтету рассудок.

Голова страшно болела, во всем теле ощущалась непонятная слабость. Аргаса тошнило, хотя у него напрочь отсутствовал пищеварительный тракт.

Шатаясь, синтет поднялся с пола. Взгляд упал на мольберт – теперь, в лучах нарождающегося солнца, неоконченная картина стала видна, и Аргас в изумлении приспустил крылья – до того хороша была работа.

Рисунок изображал семаргла, крылатого волка из древних легенд. Зверь стоял на льдине, три– четверти к зрителю, левое крыло струилось по ветру вместе с длинным пушистым хвостом, правое Кодар еще не дорисовал. Изумительно живая морда отличалась настолько совершенными пропорциями и застывшим, пойманным в миллиардную долю мига движением, что казалось – еще секунда, и прекрасное существо грациозно спрыгнет с холста наземь. Восхищенный Аргас глубоко вдохнул.

Пора было уходить, но... Куда? Теперь синтет знал, КТО охотится за ним в ночи, а главное, сознавал что даже за пределами волшебного леса навек останется чужаком.

– Мне некуда возвращаться... – прошептал потрясенный Аргас.

Поникнув, он долго сидел в полутьме, бессильно уронив крылья. Мыслей не было, в разуме царила пустота. Наконец, из мрака отчаяния медленно родилось понимание: надо поговорить с Кодаром. Большой дракон казался добродушным и спокойным. Он все поймет.

Приняв решение, Аргас подошел к окну и распахнул ставни. Свежий морозный воздух ворвался в мастерскую, помог синтету опомниться. Он спрыгнул на снег, глубоко вздохнул и огляделся.

Драконов нигде видно не было, из трубы на крыше сруба не струился дымок. Слегка удивленный, Аргас приблизился к дому и громко постучал в дверь. Ответа не последовало.

– Кодар! Чара! – позвал синтет.

Тишина. Начиная беспокоиться, Аргас толкнул дверь и вошел в сруб. Здесь со вчерашнего вечера ничего не изменилось – разве лишь догорела печь. В доме было холодно и ничем не пахло.

Синтет вздрогнул. Характерный, слабый но отлично запоминающийся запах драконов он уже хорошо знал, причем легко отличал Кодара от Чары. Этой ночью в доме их не было. Но ведь Аргас сам слышал удаляющиеся шаги крылатых рептилий – как мог уставший и сонный фиолетовый дракон направиться куда– либо, кроме теплого сруба?

«Сарай!»

Их не было и там, Аргас понял это даже раньше, чем сумел приоткрыть ворота. Летучий корабль неподвижно висел на тросах в пустом цеху. Стараясь не нервничать, синтет двумя взмахами перелетел на крышу художественной мастерской и перевел зрение в инфракрасный режим. Следы в снегу. Ну конечно.

Он сразу обнаружил огромные отпечатки лап Кодара, вокруг которых вились, игриво кружились цепочки следов жемчужной драконочки. Вот более глубокие – здесь дракон на короткое время остановился, а тут присел на снег. Затем он направился к дому, сопровождаемый Чарой, что шла на задних лапках правее большого друга.

Аргас напрягся: на полпути от мастерской, снег был вытоптан, причем огромные следы Кодара стелились поверх отпечатков лапок Чары, будто дракон закрывал ее собой. Снег вокруг остался гладким, не сохранилось даже следов ветра от мощных крыльев. Пораженный Аргас недоверчиво огляделся.

Если драконы отсюда не улетели и не ушли, куда они могли подеваться?! Синтет в полной растерянности сел на снег. Зажмурился.

Надо отключить эмоции, вернуть ясность мышления. Прежде, Аргас был автономным биороботом для контактов, умел действовать в любой обстановке и находить общий язык даже с враждебными дикарями, что требовало живости ума, находчивости и смекалки.

«Этой ночью Морана уже не вернется» – сказал Кодар. Затем драконы ушли к дому. А спустя какое– то время произошла жуткая встреча с совой.

Аргас напрягся. Первый раз он видел ледяную птицу в лесу, когда относил шишигу. Лес, к которому фиолетовый советовал даже не приближаться.

Но этой ночью сова появилась в художественной мастерской, гораздо ближе к дому – далеко за кромкой деревьев. То, что ее сдерживало раньше, исчезло.

Значит, драконы действительно не добрались до сруба, оставив полянку доступной для жутких лесных тварей.

Шерсть Аргаса поднялась дыбом. Распахнув крылья, он подлетел к третьему строению на полянке – это оказался склад продуктов – метнулся обратно к срубу, заглянул в подпол. Тщетно. Спланировав на крышу мастерской, Аргас медленно лег, опустив голову на лапы.

Пара минут прошла в тишине, но затем синтез вскочил – ему пришла в голову новая мысль. Расправив крылья, Аргас метнулся в воздух и помчался к руинам древней крепости.

Из трубы на крыше Ведомировой избы валил дым. Резко спикировав на крыльцо, синтез ударил в дверь лапой.

– Пошли все *****! – выкрикнул изнутри леший. Аргас ударил в дверь вторично:

– Я тебя выпущу в обмен на информацию.

– Чегооо? – послышался стук щеколды и Ведомир выглянул в щель. – Опять ты?

Пользуясь опытом общения с дикими аборигенами далеких планет, Аргас решил перейти на понятный лешему язык и сменил поведенческую матрицу:

– Хочешь на волю?

– Ну?

– Ответь на мои вопросы и выпущу.

– Брехня.

– Ты первым меня сгубить попытался.

– Работа такая! – Ведомир агрессивно выставил вперед бородку. – Сам ко мне в избу войти пожелал! Не слыхал, чем чревато?

Аргас покачал головой:

– Забудем на какое– то время. Расскажи о Моране.

– Да пошел ты!

– Ах, так? Что ж, сам напросился... – синтез распахнул крылья и взмыл в небо.

Полетав немного над лесом, он обнаружил старое дерево, отодрал большой кусок коры

и вернулся к избе. Спланировал на крышу.

Едва кора закрыла отверстие печной трубы, дым повалил из щелевидных окошек под потолком и леший внутри заорал. Аргас спрыгнул на крыльцо, широко распахнул дверь:

– Говори, или окна тоже законопачу, – предупредил синтез.

– *****, ***** *****!!!!

– Я не это спросил.

– Какого лешего тебе надобно?! – кашляя и свирепо протирая глаза, выдавил старик. Дым валил из дверей клубами, а что творилось в горнице – даже представить было трудно.

– Вот этого самого! – рявкнул Аргас.

– Ну вот он я, чего пристал?!

– Отвечай правдиво, и выпущу!

– А как поймешь, что не брешу?

– Оберег Кодаров станет лишь сильнее, коль солжешь, – грозно заявил синтез.

– За злобу наказан ты был, и снять проклятие может только добро. Так мне дракон объяснил.

Ведомир злобно клацнул зубами:

– Я в правоте был! Ты сам в избу напросился!

– Я не знал, кто ты такой. Я был как дитя несмышленное. Обманом заманил ты невинное существо, за обман и кару понес, – строго заметил Аргас. – Теперь, коли хочешь на волю – правдой придется расплачиваться. Сам ведь знаешь, Ведомир.

Леший смерил зеленого льва долгим взглядом, преисполненным гнева и ненависти.

– Ну? Чего знать желаешь?

– Кто такая Морана?

– Морана– Ночь, пурги да метелей хозяйка...

– Это я уже слышал! – нетерпеливо оборвал синтез. – КТО она? Где живет?

Почему появляется в виде совы?

Ведомир сплюнул.

– Не счесть ее обличий... Живет по Ту Сторону, к нам в лес ходит навьими

тропами. Лишь Морана, да горынычи твои паршивые, находить сии тропы умеют.

Аргас подался вперед:

– Этой ночью сова посещала меня, требовала, чтобы я ее позвал, хотела забрать с собой. Что ей нужно?

– Ведомо что, душа твоя... – буркнул старик. Синтет вздрогнул:

– А зачем?

– Кто ж знает.

– Каким образом Кодар держит ее на расстоянии? Она боится драконов?

– Мне почем знать?! Их и спрашивай!

Аргас помолчал.

– Не могу. Исчезли они.

Ведомир чуть не свалился:

– Чегоооо?!

Синтет вкратце рассказал об утренних событиях. Старик слушал, открыв рот. Потом довольно долго молчал, глядя мимо Аргаса куда– то в пустоту.

– Ой, худо... – прошептал он наконец. – Ой, лихо...

– Что тебе известно? – быстро спросил синтет. Леший, кажется, только сейчас о нем вспомнил:

– Ты еще тут?! – он схватился за голову. – Мчись обратно! Покуда тропа не закрылась!

Аргас отпрянул.

– Тропа?

– Навья тропа! – простонал Ведомир. – Морана твоим горынычам ловушку устроила! Мчись к тому месту, где следы обрываются, попробуй шаг в шаг по ним следовать, да смотри – медленно, усек?! Раз шажочек, два шажочек... Как узришь чего необычного, так и замри! Да зови горынычей в горло!

Аргас сглотнул.

– Звать?!

– Ох, дуболом... Им– то самим теперь вжисть не вернуться, доколь кто отсюда тропу не откроет! А кому открывать– то?! Окромя Кодара, это одна Морана и умеет!

Ведомир подался вперед и свирепо рявкнул:

– Спасай их, пока есть время!

Судорожно кивнув, Аргас распахнул крылья. По пути обратно он развил такую скорость, что свалился на полянку оледеневшей хрустящей молнией. Здесь он встал прямо на следы Кодара и двинулся к дому, следуя в точности по пути дракона.

Едва Аргас добрался до утоптанного участка, очертания сруба впереди заколыхались, будто между ним и домом внезапно появилось волнистое стекло. Синтет застыл. «Кодаров лес сам на себя обернут...» – вспомнились слова.

Осторожно, крохотными шагами он двинулся вперед. С каждым сантиметром искажения нарастали, пока сама ткань мироздания внезапно не разошлась, открыв взору ужасную пепельную равнину с нависшим, готовым вот– вот рухнуть свинцовым небом. ТАМ дул сильный ветер, вздымавший султаны из пыли, в серой высоте мчались тучи, похожие на темные льдины. Потрясенный Аргас оцепенел.

Совсем рядом, спиной к нему, скорчившись и накрывшись крыльями, сидела почти до горла засыпанная сизым пеплом драконочка.

– Чара? – позвал синтет недоверчиво. Жемчужная дернулась, рывком обернулась:

– Не шевелись!!! – вопль заставил Аргаса вздрогнуть. Чара, покачиваясь, встала на задние лапки и подбежала к нему, прижимая к груди что– то светящееся.

– Не двигайся! Один шаг, и вернуться не сможешь!

Аргас заставил себя кивнуть:

– Я знаю.

– Замри! – тяжело дыша, едва не падая, Чара доковыляла до синтета и рухнула на колени, беспомощно дергая крыльями. – Вот так и стой...

– Что с вами случилось?

– В ловушку угодили, – сквозь зубы процедила драконочка. – Как ты отыскал навью тропу? Кто надоумил?

– Ведомир.

Чара недоверчиво моргнула.

– Леший? Рассказал, как нас спасти?

– Совершенно верно.

– Ни хвоста себе... – прошептала изумленная драконочка.

Аргас нервно огляделся.

– Где Кодар?

– На подлете, – Чара стиснула зубы. – Помоги...

Синтет твердо покачал головой:

– Я не сдвинусь с места, пока не увижу Кодара.

Драконочка молча протянула к нему сложенные ладони, в которых мерцал и бился сверкающий огонек. Аргас задохнулся, узнав видение из своего сна.

– Долго мы тут не протянем... – выдавила Чара.

Синтет покрепче уперся лапами:

– Перелезай через меня!

Он начинал понимать, куда вела «навья тропа» – уцелевшие датчики сообщали о невероятной напряженности магнитного поля, пронизывавшего здесь каждый дюйм, хотя анализ гравитации не оставлял сомнений, что планета была все та же.

«Пять миллионов лет» – подумал Аргас. Это много. Вполне достаточно, чтобы неустойчивая звезда 1806– 20, окрестности которой изучала его экспедиция, вспыхнула Новой, уничтожив всякую жизнь на своих планетах, а затем превратилась в магнетар – одно из наиболее жутких и таинственных явлений в Галактике.

Катастрофа, должно быть, случилась относительно недавно; срок жизни магнетаров не превышал миллиона лет. А чудовищная интенсивность поля намекала, что невидимый за тучами монстр еще совсем молодой...

Драконочка тем временем перебралась по его телу обратно на снежную поляну, и Аргас медленно попятился, оставив жуткий мир смерти по ту сторону магического барьера. Судорожно перевел дух, оглянулся. Чара сидела на усыпанном пеплом снегу, прижимая огонек к груди.

– Спасибо, – выдавила она хрипло. Помотала головой, смахнула крылом слезу.

– Подойди. Покажи лапу.

– Лапу? – переспросил Аргас.

– Мне нужно знать, удержишь ли ты кисть!

Растерянный синтет протянул Чаре ладонь. Та с шумом выдохнула:

– Сойдет. Идем, быстрее!

– Куда?

– Спасать Кодара! – драконочка в бешенстве хлестнула себя хвостом. – Я поквитаюсь с Мораной, но сначала главное...

Ничего не понимающий Аргас послушно прошел следом за Чарой в мастерскую. Здесь она свирепо сорвала с мольберта неоконченный рисунок семаргла и закрепила на его месте чистый лист бересты.

– Подойди, – процедила жемчужная драконесса, хрипло дыша сквозь стиснутые зубы. – Сейчас я наделю тебя талантом. Рисуй Кодара, как ты его помнишь, каждую мелочь, каждую линию, ясно?

Аргас приоткрыл пасть от удивления:

– Что?!

– Я муза!!! – рывкнула Чара. Яростно мотнула головой в сторону ловушки: – Мы с Мораной последние. Ты видел наш дом! Каким он стал!

Распахнув крылья, драконочка описала ими дугу:

– Здесь, у истока навьих троп, мы с Кодаром строим мир заново. Все вокруг, лес, поляну, птиц да зверей, реки и небо – все это нарисовал он, а я воплотила в Явь. Такова моя сила, моя судьба! – она всхлипнула. – А сейчас тебе придется нарисовать самого Кодара, вернуть его к жизни, как сделала я сотни лет назад, обнаружив в разбитом звездолете гаснущую искорку его души, – Чара протянула Аргасу ладони с трепещущим огоньком.

– Торопись! – выдохнула она, плача.

Эпилог

Позабыв обо всем и обнимая друг друга крыльями, драконы о чем– то шептались в доме. Не желая мешать, уставший Аргас тихонько вышел наружу.

Он даже не вздрогнул, заметив, что давно наступила ночь. Прикосновение музыки изменило саму его душу, Аргас ощущал внутренний подъем, прежние страхи казались смешными. Ему хотелось петь, лепить из снега хрустальных лебедей, взлететь в танце с Луной.

Темный, колышущийся сгусток мрака на опушке Аргас заметил не сразу. Лишь морозное дуновение заставило его обернуться:

«Мне холодно» – сказал голос мертвого существа.

Кристаллики льда, вертевшиеся тысячами крохотных вихрей, чертили призрачными штрихами образ совы, парившей на крыльях мерцающего тумана. Аргас медленно приблизился; он силился понять, как мог прежде БОЯТЬСЯ чего– то столь прекрасного.

– Ты ведь ее сестра, правда? – спросил он тихо, любуясь переливающимися ледяными искрами.

«Мы последние»

– Когда она отыскала Кодара, ее сила нашла воплощение и расцвела, – прошептал Аргас. – А ты осталась бесплотной.

«Я гасну»

– Да, талант с каждым годом слабеет, если не находит выхода. Ты желала меня, ибо в этом мире только мы с Кодаром – настоящие, только в нас есть... искра. Верно?

«Идем со мной. Твори со мной. Мы создадим новый мир, еще прекраснее сгинувшего в огне!»

Аргас оглянулся на дом. В окошках уютно горел свет, там его ждали драконы – добрые и мудрые существа, в чью жизнь он ворвался непрошенным вихрем.

– Да, – произнес бывший синтет, расправляя крылья. – Я пойду с тобой и буду творить миры. Дай лишь проститься с друзьями.

Конец